

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНИЯХЪ СЪВЕРНАГО КРАЯ.

Петръ Великій—первый изъ царей заѣхалъ въ нашъ сѣверный край и обозрѣлъ губерніи Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую. По душѣ прилась ему эта суровая, дикая и непостоянная природа сѣвера. Мхи дыбучіе, горы толкучія и озера свирѣныя стоятъ здѣсь існоконъ вѣку; въ лѣсахъ витають здѣсь звѣри съѣдучіе и змѣи клеучія, на водахъ бушуетъ падара—погода непомѣрная. Тяжелую борьбу ведетъ здѣсь человѣкъ съ враждебной природой: чтобы только поддерживать здѣсь свое существованіе; нужно имѣть «силу звѣриную, потягі падо держать лошадиные».

Безстрашный и гордый живетъ здѣсь народъ; жизнь давно научила его и ковать желѣзо, и строить суда, и бороться съ вѣтромъ.

Было гдѣ расходиться богатырской натурѣ Петра «въ этихъ лѣсныхъ болотахъ, лѣсныхъ озерахъ и мхахъ дыбучинхъ». По душѣ прились ему и эти бурлаки, мужики—удалы, польсовщики, лодошники, рудокопы и торговые люди. Не богатство только лѣсовъ, не множество только горныхъ породъ встрѣтилъ онъ здѣсь, но и силы знакомыя съ судостроеніемъ и горнымъ промысломъ. Онъ всюду наталкивался здѣсь на нужды народа и возводилъ ихъ въ нужды государственныя.

Х III 1308445

Понятно, что такой царь не могъ быть забыть своимъ народомъ. И дѣйствительно, здѣсь помнить и его время и его дѣла; помнить его походы, его поѣздки и его замашки.

Пусть рассказы о томъ будутъ не всегда точны въ историческомъ отношеніи, но они дороги тѣми нравственными чертами, въ которыхъ рисуется народный образъ Петра I-го.

I.

Рассказъ о томъ, какъ Петръ великій ѣздилъ въ Соловки на богомолье.

Рассказъ этотъ начинается какимъ-то до-историческимъ преданіемъ о томъ, почему бурно Ладожское озеро. Три черты великаго Петра отражаются въ этомъ рассказѣ. Народъ подмѣтилъ, во I-хъ, что стихія его генія это— море: здѣсь онъ не побѣдимъ и наказываетъ Ладожское—глупое море. Не укрылась отъ народа и другая черта его характера: это всюду проникающій и испытующій взоръ Петра; вотъ пріѣзжаетъ онъ въ монастырь Климецкій и тотчасъ начинаетъ допытываться, дѣйствительно ли есть тамъ мощи преподобнаго Юны. Но если, по народному представленію, онъ могучъ и властенъ на морѣ, то здѣсь онъ побѣждается чудесною силою святости. И наконецъ третья черта: Петръ не терпитъ ослушанія и тотчасъ казнить одного самовольнаго заводчика, какъ скоро тотъ не послушалъ его царскаго слова. Но вотъ и самый рассказъ:

«Въ досюльщину стародревнюю, тишь и гладь была на Ладожскомъ озерѣ, ѣздили на плотахъ—не умѣли еще дѣлать лодокъ; на плотахъ же собирались дѣвѣны и молодцы и караводились и играли кругами и шипама. Прогнѣвался Господь на беззаконія этихъ людей, и явился сонъ одному человѣку богобоязненну: «по утру будешь ты походить на промыселъ сѣтей, русей и мережъ и выстанеть ножъ на сѣти твоей, и ты отруби сѣть по тыхъ мѣсть, гдѣ выстанеть ножъ, и скорѣе—къ берегу; завтра сколыбается море». Вышелъ этотъ человѣкъ на промыселъ и сталъ ходить мережа, русей и сѣтей, и выстанеть ножъ на сѣти его и онъ отрубилъ сѣть по тыхъ мѣсть и похвѣлъ въ берегъ. Вдругъ стала буря-падара и тронъ сутки море горѣло погодою; кто имѣлъ жительство о Ладожское, нельзя было на улицу выйти—

страсть такая была. Утихло море черезъ тросъ сутки. Поѣхали ловцы по промыслу и въ берегу прибойномъ, куда волна катилась, нашли семьдесятъ *вачекъ* на одну руку ¹⁾).

Послѣ этого Ладожское никогда тишиной, а все вѣтрами живетъ, и когда тихо, на немъ *столпики* ²⁾ ходять. Такъ было до Петра I.

Изъ Питера поѣхалъ Петръ I по Невѣ и по Ладожскому озеру; вдругъ поднялась буря—надара, погода непомѣрная; насилуй доплыли къ Сторожевскому носу (гдѣ маякъ Сторожевскій). Вышелъ царь на берегъ; кружить его—укачало сине море. «Ай-же ты мать сыра земля, закричалъ царь, Не колыбайся! не смотри на глупо, на Ладожское озеро!»! Того часу приказалъ подать внута и порѣшилъ наказать сердитое море. Мѣсто, гдѣ изволилъ наказать своимъ царскимъ руками, звали сухая луда, а съ тѣхъ поръ называется царская луда. Послѣ того Ладожское стало смириѣе и тишину имѣеть, какъ и прочія озера: это въ виду у насъ, замѣтилъ разскащикъ,—мы сами тамъ ѣздили и рыбу ловили.

За тѣмъ Петръ I имѣеть разъѣздъ Свирью—два девяноста, Онегомъ—сто девяносто. Приѣзжаетъ въ Клименцы... Тогда монастырь препод. Іоны былъ въ затмѣніи. Пристали къ пристани. Царь къ Іонѣ преподобному зашелъ въ храмъ—испытать, есть ли монци. Отдернулъ половницу, тыкнулъ тростью царской—жезломъ, и некра его отгуды засынала. Царь скорѣе приказалъ устроить раку преподобному.

Тутъ заѣхали въ Питину губу—къ древнему монастырю и; обворота, поѣхали къ Конды (въ 7 верстахъ отъ Клименецъ, въ губѣ, 40 дворовъ). Остановились на якорѣ. Царь приказалъ ѣхать на яликѣ за хлѣбомъ въ деревню. Приѣхали на берегъ эти три человѣка въ деревнѣ все женщины—мушницы нѣту; работаютъ на заводѣ на Бутманскомъ. Што это за какой же заводчикъ есть! спросили эти человѣки—галъетчики.—Тѣ отвѣчаютъ: мужики работаютъ у этого Бутмана ³⁾ зиму и лѣто съ годъ на

¹⁾ Это значить уловило 70 человекъ. Вачка—это русская китъ рыба. Рыбаки на ней ѣздили въ Ладожское море, чтобы ловить рыбу. Рыбаки на ней ѣздили въ Ладожское море, чтобы ловить рыбу. Рыбаки на ней ѣздили въ Ладожское море, чтобы ловить рыбу. Съ тѣхъ поръ они и по сію пору.

²⁾ Встрѣчныя волны.

³⁾ Такъ называется датскій королевскій факторъ Андрей Бутсмангъ, построя-

кругъ; зимой возятъ уголье, руду; лѣтомъ уголь жгутъ и руду сдымають и рыбу ловятъ, и озеро тутъ надъ верхомъ — Устрѣка.

Гальетчики оборотились съ хлѣбомъ назадъ и Петру I это слово объяснили, что Бутманъ какой-то заводчикъ есть и люди работаютъ у него на боярщинѣ: мушцы одинаго лѣтъ въ деревнѣ. Тутъ царь распорядился съ этими людьми—сказать этимъ жепамъ, чтобъ онѣ снесли къ своимъ мужевьямъ его царское слово: Бутмана государь требуетъ. Услышалъ это Бутманъ, велѣлъ снарядить шлюпку, семь человекъ гребцовъ и двѣ пушки. Выѣхалъ на Онего—и этой ѣзды отъ устья до Клименецъ верстъ пятьдесятъ будетъ да отъ Юны преподобнаго верстъ семь до гальета до царскаго. Приѣзжаетъ Бутманъ къ гальету ко царскому, остановился за *спрылице* мѣсто (какъ картечь хватить, сажень за 40). Тутъ приказалъ онъ людямъ стрѣлять въ гальетъ царскій съ того борту и съ другаго. И то не отбой: надо тронуться этому Бутману къ царскому гальету. Царь приказалъ ему вытти съ гальета на шлюбку и казнить его: Бутманъ былъ не русской, — самозванецъ. И по тыхъ лѣтъ все заведеніе его рѣшилось на Устрѣкѣ, какъ рѣшили ему житье его: годовъ семьдесятъ лежалъ этотъ заводъ впустѣ. Однажды мужики бесѣдами займовались: «а што, ребята, посмотрѣть, не попадетъ ли тамъ чего»? Стали перерывать землю; рублей на сто выкопали чугуны; балясины и плиты—коловоротный аршинъ ¹⁾; мѣста высоки и наполнены чугуномъ.

ивнѣй тамъ желѣзный заводъ съ крестьяниномъ Мерелсомъ. О томъ и другомъ упоминается въ актахъ Клименскаго монастыря—1686 г. по тяжбѣ съ княжескими крестьянами о пустоши Юхновской и Нижнемъ Порожкѣ на Устьяндожѣ рѣчкѣ (См. мою статью «Олонекій монастырь Клименцы»). Народное преданіе счтаетъ Бутманта шведомъ.

¹⁾ Аршинъ долины и четверти три ширины.

Окромъ заводовъ у Бутмана были погреба земляные. Петръ I-й хотѣлъ съ нимъ посоветовать—но Бутманъ своеправной былъ: я, скаже, безъ царя буду заводы вести.

Сидѣлъ однажды Бутманъ у мельницы—и вазалъ тони; тутъ на запрудѣ—на завалѣ земляномъ сидитъ мужикъ, не вѣдомо, какой и удить рыбу. И спрашиваетъ этотъ мужикъ Бутмана, што онъ дѣлаетъ? Я, говоритъ, дѣлаю тонн. А мужикъ въ отвѣтъ: чертъ, скаже будутъ этта не тонн, да лѣшей, скаже, буде этта и ве рыба. Съ того времени вся вода тутъ высохла; попѣ покосъ на этомъ мѣстѣ.

Любопытно, что въ народной памяти сохранилось даже имя слуги Бутмана: звали его *Бенка*. Въ народныхъ разсказахъ представляется онъ полоумнымъ.

«Отъ Конды поѣхали на Вой-наволокъ: здѣсь три сутки стоялъ на якорѣ гальѣтъ царскій,—была погода: да такъ и оставилъ Петръ I свое царское слово: «вой наволокъ». Отсюда—на Повѣнецъ, а тамъ больше рѣками до Сумы на ладьяхъ. Тутъ прибыли въ Соловецкую обитель—въ киновію. Царь по обычаю зашелъ въ храмъ къ преподобному Зосимѣ и Савватію и Герману, сослужилъ молебень и выѣхалъ въ море; стала сначала буря, а тутъ поднялся туманъ; ѣздилъ Петръ восемь сутокъ: никакого берега, не видать земли. На девятую ночь появился сонъ ему: «царю, былъ ты въ соловецкой киновіи, што же ты своимъ царскама руками раки Святыхъ не замнулъ»? Высталъ царь и рассказалъ этотъ сонъ своимъ гальѣтчикамъ. Вдругъ въ его разсказѣ поднялся туманъ и показался монастырь верстахъ въ трехъ, не далѣ, отъ гальета. Опять, обороти, поѣхали въ монастырь къ Зосимѣ и Савватію и Герману, въ киновію. Петръ сослужилъ молебень преподобнымъ, заперъ раки своимъ царскама руками и ключи съ собой захватилъ. Тутъ рѣшилось его царское слово.»

Замѣчая историческую неточность разсказа, я спросилъ: какъ же такъ,—вѣдь Петръ I ѣздилъ въ Соловки черезъ Вологду, а не по Ладожскому и Онегу?

— Да онъ не разъ туда ѣздилъ, отвѣчалъ разсказчикъ; онъ и путь эту проложилъ. До него слѣдовины туда не было. Отъ Соловковъ тронулся онъ съ войскомъ на гальетахъ къ Пюхчи—пристани, а тутъ прямо на Повѣнецъ, вереть двѣсти безъ маленькаго; днемъ и ночью двигались по зыбямъ, трясовинамъ, по горамъ, по водамъ, по мхамъ дыбучимъ и лѣсамъ дремучимъ; лѣсъ рубили, клади клали, плоты дѣлали. Приѣхали въ *Возмо-салму*, вестъ сто отъ пристани, наканунѣ праздника Ильи пророка. Пришли Выгозера съ церковнымъ старостой и просятъ Петра I на гостибье. «Буду, буду, сказалъ онъ. дождитесь».

Утромъ, въ праздникъ, снова пришли. «Пѣть, говорить, видно

Однажды сушилъ онъ сѣно на пожнѣ; вдругъ стала дождливая туча на верхъ подходить. Этотъ Бенка хватилъ топоръ и бросилъ вверхъ; хотѣлъ топоромъ упасть въ тучу. «Молчи, скаже, бѣдной Бога не убью?» (т. е. погоди, не убью ли я Бога)?

Эти дополненія сообщены намъ Иваномъ Аннѣевичемъ Касьяновымъ, крестьяниномъ Космозерскаго погоста. Это, говорилъ онъ, отъ достоверныхъ свидѣтелей предлагалось: девятиста лѣтъ старикъ разсказывалъ; онъ и теперь еще живъ.

не хочеть Илья пророкъ, чтобы пришелъ я къ нему на гостибье. Смотрите, какой ливень послалъ, што изъ ведра; пельзя изъ дому вытти. Снесите ему отъ меня гостинець; далъ нѣсколько червонцевъ и молвилъ: молитесь и просите мнѣ милости пророка».

На другой день впередъ двинулись. По озерамъ и рѣкамъ—проѣздъ на плотахъ (по болотамъ и трясовинамъ—кладами); отъ Масельги до Повѣнца—сухія мѣста. Путь втымежь широкая была, а нульку заросла лѣсомъ и клады сгнили. Оставалась малая тропочка, да поѣхалъ въ Соловки какой-то французъ важной и его ради дорогу починили. По нынѣ въ народѣ пословица: «не дай Богъ ѣхать государевой дорогой».

II.

Разсказъ о томъ, какъ Петръ Великій хлопоталъ объ устройствѣ Маріинской системы.

Разсказъ этотъ показываетъ, что мысль о соединеніи волжскихъ водъ съ сѣверными не была кабинетнымъ вдохновеніемъ генія великаго Петра, а напротивъ, она была подсказана ему самимъ народомъ. Чрезвычайно любопытно, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ отнесся онъ къ этой подсказанной идеѣ и какъ быстро и энергично хлопоталъ о приведеніи ея въ дѣло. Вотъ народный разсказъ объ этомъ.

«Другожды Петръ I имѣлъ проѣздъ при деревнѣ Шѣстовой, черезъ Вяги ручей; ѣхалъ онъ въ Архангельскъ; почтовая дорога тутъ пролежала и теперь видѣть. Крестьяна изъ околныхъ мѣстъ собрались во множествѣ, видимо-невидимо, на горѣ, верста будетъ отъ деревни; день былъ гулярный. Памѣтный староста съ выборными на встрѣчу вышли съ хлѣбомъ-солью, какъ водится, по русскому обычаю. Выступилъ Петръ I изъ коляски; росту онъ высокаго, ученья великаго; хлѣбъ-соль принялъ и съ крестьянами разговоръ держить: «Каково да вы крестьяна поживаете и за какой же у васъ промыселъ есть»? Тутъ крестьяна пословечно ему стали высказывать:

Близъ четырехъ верстъ ниже сего мѣста есть, надежа государь, пристань Вянгилская. Съ Бадогъ гужемъ хлѣбъ сюда возимъ, что идетъ снизу рѣкама Волгою, Шексною, Бѣлымъ озе-

ромъ и Ковжею. Съ Бадогъ до Вянгѣ на судахъ ѣхать не можно, вода не сошла, верстѣ на 5, а далѣ на Вянгѣ быстрина, пороги до пристави.

Да строи́тъ о́це, государь, корабли мореходныи, гальеты, водовики и соймы, и съ Вянгѣ ходи́тъ мы шкиперами по Онегу и по Свири и по Ладожскому, для себя и съ найму, и справляе́тъ хлѣбъ на Пудогу и Повѣнецъ, а больше въ рѣку Свирь и далѣ, въ окольные селенія.

Придумался Петръ I, головой потряхиваетъ и видитъ: живутъ тутъ люди не слѣпцы, не по канату ходятъ, народъ смѣтливой, работной. Заложилъ себѣ это слово на умъ и поѣхалъ далѣ. Съ тыхъ поръ эта гора зовется «*бесѣдная гора*», и на той горѣ— часовня и молебствіе бываетъ каждагодно въ день Сочествія св. Духа.»

Въ началѣ шипѣшняго столѣтія еще живъ былъ сто-пятнадцатилѣтній старикъ Нахомъ, который былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ того, какъ Петръ I, скоро послѣ этой бесѣды, хлопоталъ уже о соединеніи этихъ водъ. Съдой, какъ лунь, этотъ старикъ подробно разсказывалъ, какъ царь, въ теченіи десяти дней, бродилъ по лѣсамъ и болотамъ и осматривалъ тѣ мѣста, гдѣ предполагалось соединить Ковжу съ Вытегрою. Нахомъ описалъ даже англичанина Перри и русскаго Кормчина, сопровождавшихъ при этомъ Петра, и указалъ то мѣсто, гдѣ царь отдыхалъ отъ усталости въ простомъ шалашѣ, сплетенномъ изъ древесныхъ вѣтвей.

Перри, по словамъ его былъ тученъ, не могъ ходить по болотамъ; его носили на жердяхъ, витвинами переплетенныхъ, а за ними нашивали мѣдное блюдо съ сквозными рожками, которое онъ ставилъ на распорки и, прищуряеъ однимъ глазомъ, сматривалъ по волоскамъ, натянутымъ въ сквозныхъ рожкахъ, а по тѣмъ волоскамъ велѣлъ ставить отъ мѣста до мѣста шести и по шестамъ рубить прѣсѣкъ. Такъ объяснялъ столѣтній старикъ астролябію, по которой Перри ставилъ румбы, пролагая линію канала. За пѣмчиною (такъ Нахомъ называлъ Перри) случалось поить мнѣ длинное *сквозильце*, въ которое тотъ сматривалъ, когда выходилъ изъ лѣсу на высокое или открытое мѣсто и оттуда видѣлъ, Богъ вѣсть, какъ далеко. Подъ сквозильцемъ Нахомъ разумѣлъ зрительную трубку.

Кормчинъ, говорилъ старикъ, былъ сухощавъ и часто курилъ табакъ; я пришивалъ ему изъ своей избы уголь раскуривать

трубку. Также какъ и вѣмчина, онъ, ходя по просѣкамъ, сматривалъ въ рожки мѣднаго блюда и въ сквозилицо.

Разказы Пахома о самомъ Петрѣ полны благоговѣнія. При каждомъ произношеніи его имени онъ подымалъ глаза на небо и прижималъ руку къ сердцу, присоединяя постоянно къ титулу государя эпитетъ *батюшка* или *надежа*. «А батюшка Государь, говорилъ Пахомъ, былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою. Онъ часто встряхивалъ своими черными волосами, а куще когда бывалъ въ раздумьѣ. Надежа Государь не гнушался нашего житья-бытья; кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ ¹⁾».

На мѣстѣ, гдѣ, по указанію Пахома, былъ шалашиъ Петра I, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей, стоитъ теперь памятникъ съ золотою надписью: «Знждитель пользы и славы народа своего Великій Петръ здѣсь, помышляя о судоходствѣ, отдыхалъ на семь самомъ мѣстѣ въ 1711 г. Благовѣйте сыны Россіи!»

III.

Близость Петра къ народу была дѣйствительно необыкновенна. Слова Пахома, какъ нельзя, правдивы. Онъ любилъ заходить въ крестьянскія избы и распрашивалъ крестьянъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, какъ на бесѣдной горѣ, и не рѣдко даже крестилъ у нихъ дѣтей. Въ одномъ семействѣ селенія Святозера до послѣдняго времени хранилась серебряная чарка, изъ которой Петръ пивалъ свою анисовую водку и которую онъ подарилъ своей кумѣ. Но вотъ о томъ подлинный разказъ.

«Ѣхалъ Петръ I-й на свои чугунные заводы; въ Святозерѣ—остановка; лошадей перемѣняли. Зашелъ Петръ I-й въ избу и видитъ: суетятся, бѣгають. Што, скаже, за бѣготня. Богъ дочку далъ, въ отвѣтъ ему хозяинъ. Ну, скаже, проздравляю, а меня проздравь съ крестницей. Посылайте за пономъ. Хозяинъ хотѣлъ было промыслить куму. Вотъ кума, скаже Царь; чего лучше, и кивае на старшую дочку. Пришолъ попь; окрестили. Пошло угощенье. Водку на столъ подали. Петръ первый поиелъ въ свой чебоданъ и добылъ оттуль свою чарку. Налилъ себѣ и выпилъ. Налилъ кумѣ и подчуетъ; застыдилась кума; не пьетъ.

¹⁾ См. Памятную книжку Олонецкой губ. на 1869 и 70 гг.

Петръ I-й упрашиваетъ. Не пьетъ. Выпей, говоритъ отецъ, не спѣсився; ничего — вѣдь; коли царь просить, надо выпить. Дочь выпила и красіеть. Любо царю, што дѣвка зардѣла, и почаль онъ шутить съ ей и нуще стыдить. Снялъ съ шеи кожаный галстугъ и повязалъ на ейну шею дѣвочью; съ рукъ — перчатки, долиной по — локоть и надѣлъ на ейны руки бѣлыя; за тымъ пожаловалъ ей свою государскую чарку, на память, што водку пилъ.

А што мнѣ-кова крестницѣ дать! проговорилъ царь; ничего съ собой не прихвачено. Экая она безсчастная. Ну, скаже, въ другой разъ буду — не забуду.

Пріѣзжаетъ другожды на заводы съ государыней. «Я, скаже, здѣсь крестилъ у кого-то. Набъ бы пожаловать; оногдасъ ничего со мною не случилось».

Отыскали у кого крестилъ Петръ I-й. Государыня нацрисылала бархату, парчей и всякихъ басистыхъ матерій, а опять-таки кумъ, а крестницѣ опять ничего.

Вотъ ужъ доподлинно, замѣтилъ раскащикъ, не мимо идетъ царское слово; какъ назвалъ ее безсочною, такъ и было. Государева крестница выросла, жила, а всю жизнь была кокоша горегорькая.

Упомянутая чарка въ настоящее время хранится въ Петрозаводскомъ каедральномъ соборѣ. Она имѣетъ видъ церковнаго ковша для принятія теплоты; на ней 12 чеканныхъ изображеній, 5 фантастическихъ цвѣтковъ; среди ихъ журавль съ изогнутою шею.

IV.

Другой подобный рассказъ показываетъ, что благосклонность Петра возбуждала соревнованіе въ народѣ. Существуетъ пословица, распространенная по всей Россіи: «Вытегоры воры, у Петра Великаго камзолъ украли.» Благодаря этой пословицѣ, сохранился рассказъ о самомъ фактѣ, который послужилъ поводомъ къ ней.

Была стоянка въ Вытегорскомъ погостѣ; лошадей мѣняли; Петръ I-й ходилъ на Вягинскую пристань; оборотя, пришолъ въ избу, почаль, собираться въ дорогу и хотѣлъ надѣвать свой камзолъ вдругъ выступилъ впередъ Гриша-простецъ, тамошній житель; за святого его почитали; рубилъ онъ правду и

злыхъ людей краснѣть заставляялъ. Палъ этотъ Гриша въ ноги Петру 1-му и говоритъ:

«Надежа-царь Государь! не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить».

«Говори, што тѣ надо, изрекъ царь. Дай-ко ты намъ, надежа-государь, этотъ камзолъ,—што по плечамъ откидывашъ, сказалъ Гриша.

«А куда ты кладешь мой камзолъ? спросилъ Петръ 1-й.

Тутъ Гриша простецъ возотвѣтствовалъ: Себѣ, надежа-государь, и тѣмъ кто умнѣе и добрѣе на шапки, а шапки мы не токмо дѣтямъ, а и правнучкамъ занасемъ, на память твоей къ намъ царя—батюшки милости.

Прилюбилось Петру 1 это Гришино слово, и онъ подалъ ему свой камзолъ. «Добро, скаже. Вотъ тебѣ, Гриша, камзолъ; да смотри, не поминай меня лихомъ».

Взяли Вынегоры этотъ камзолъ и пошили себѣ на шапки. Завидно стало жителямъ сусѣднымъ и стали они говорить: «что вы-де камзолъ украли», и пронеслось это слово въ Москву, а изъ Москвы во все города и съ тыхъ поръ стали звать Вытегоръ—«камзолъниками»—Вытегоры-де воры, у Петра Великаго камзолъ украли.

У.

Любопытенъ въ томъ родѣ разсказъ о блаженномъ Ѳаддеѣ, который жилъ на Петровскихъ заводахъ и будто бы Петру великому былъ очень любъ и ходилъ къ нему во дворецъ «безвозвратно» когда хотѣлъ. Преданіе чтитъ Ѳаддея за то, что онъ провидѣлъ кончину Петра Перваго и предсказалъ ему о томъ.

«Ходилъ этотъ Ѳаддей въ черной одеждѣ, опоясанъ ремнемъ, съ желѣзнымъ посохомъ въ рукѣ. Въ послѣдній разъ Петръ 1-й имѣлъ разъѣздъ на заводы. Уѣзжаетъ онъ, и говоритъ на прощанье: «прощай Ѳаддей, въ молитвахъ поминай и на путь благослови». Ѳаддей отвѣчалъ: «Господь Богъ благословитъ вхождение и исхождение твое отнынѣ и до вѣка. Самъ плачетъ и слезы ронитъ: не бывать, скаже, не бывать, надежа государь, не бывать въ живыхъ. Царь замѣтилъ послѣднее слово и велѣлъ *обрестовать* юродиваго. На дрѹгой годъ, какъ пришла къ нему смертная немощь, онъ вспомнилъ о блаженномъ Ѳаддеѣ; послалъ гонца на Петровскіе заводы, приказалъ освободить отъ

ареста и производить ему, до смерти пенсіонъ. На иной годъ умеръ и самъ блаж. Ѡаддей.»

Могила этого Ѡаддея въ оградѣ Петрозаводскаго кафедральнаго собора, — и благочестивые люди до нынѣ чтуть эту могилу.

VI.

По чѣмъ особенно великъ Петръ 1-й въ глазахъ народа, такъ это именно тѣмъ, что онъ *«на царскомъ тронѣ былъ работникъ»*. Въ самомъ дѣлѣ, какое громадное впечатлѣніе на народъ долженъ былъ производить царь, который ходилъ пѣшкомъ по болотамъ, отдыхалъ въ шалашахъ, рубилъ бревна и т. п.!

«Часто ѣздилъ въ нашу лѣсную сторону Петръ 1. Гдѣ пупь-ко Петрозаводскъ (губернскій городъ), тутъ стояла только мельница съ избой. Приѣхалъ Петръ 1-й и поставилъ тутъ заводъ чугунной, церковь во имя Петра и Павла и садъ насадилъ. Приде, скажутъ, въ заводъ и своиа царскама рукама крицы дуетъ, а бояра уголье носятъ; въ молотобойню завернуть и молотъ въ руки и желѣзо куеть и это желѣзо, въ Питерѣ, скажутъ, у какого-то барина до теперь хранится. «Вотъ—оно царь такъ царь, замѣтилъ Щеголенковъ, даромъ хлѣба не ѣлъ; лучше бурлака работалъ».

Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этому разсказу?

Въ Ладейномъ Полѣ, гдѣ Петръ 1-й заложилъ собственными руками первый русскій корабль и гдѣ также поставилъ онъ церковь Петра и Павла, стоитъ теперь не большой памятникъ съ его изображеніемъ и надписью: «да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный *простымъ усердіемъ* воздвигнутый памятникъ. Его поставилъ дѣйствительно простой человекъ, тамошній уроженецъ, кунецъ Сафроновъ, по собственному побужденію и на собственные средства».

VII.

Разсказъ о встрѣчѣ Петра I со шведскимъ королемъ на Ладожскомъ озерѣ *).

Разсказъ этотъ-начинается эпическимъ описаніемъ приволья и богатства Сѣвернаго края въ доисторическія времена. Свейскому королю прилюбилось это мѣсто такъ же, какъ и нашему царю Петру I. Великаномъ, богатыремъ, повелителемъ моря и вѣтра является здѣсь Петръ, какъ и въ разсказѣ о поѣздкѣ въ Соловки на богомолье. Онъ не хочетъ вступать въ борьбу съ Свейскимъ королемъ; онъ беретъ золотой рожокъ; онъ трѹбитъ во все стороны громкимъ голосомъ—и вотъ, на зовъ его, собирались вѣтры въ тучу густую, расходились воды ярыя и затопили короля Свейскаго. Разсказъ этотъ въ художественномъ отношеніи такъ превосходитъ, что мы ничего не знаемъ подобнаго въ русской повѣствовательной литературѣ. По мѣстамъ мы можемъ приравнивать его только къ «Слову о полку Игоревѣ».

«Досюль,—еще насъ на свѣтѣ не было, да и дѣды дѣдовъ нашихъ не были, да на свѣтѣ не жили, а и народа-то на земли была малость-малъская,—цари въ ту-поръ дѣлили межъ собой свои владѣнія. Въ ты-то поры давнія, наше мѣсто *) ни завѣдомо было ни царемъ, ни бояриномъ, ни лихимъ челоувѣкомъ удалымъ; а въ лѣсу звиря разводилося: что ни кусть—лисица съ кунцею, что ни пень—медвѣдь съ волчищемъ; а и рыбы наплодилося—хонь рукой имай, аль карцѣмъ *), черпай. Полюбилось то наше мѣсто—привольное царю свейскому. А и Пѣтра русской царь запримѣтилъ, что ручьи у насъ глубокіе, рѣки долгія—широкія, а морямъ и ивѣтъ конца, да и жить у воды способнѣе; снарядитя самъ на понески, на своей лодки крашеной, серебромъ пораскладеной, золотымъ рулемъ приправленной, съ боярами да вельможами. А Свейскій-то царь заспѣсивился—не поѣхалъ самъ, а послалъ за себя начальниковъ въ полонъ забрать ему воду съ рыбою, и лѣса со звиремъ всякимъ, чтобъ владѣть ему по—вѣки. Ѳдетъ-катитъ Пѣтра царь на понески, по морю Ладожскому, на лодкѣ съ боярами да съ вельможами, а и самъ сидитъ въ кор-

*) Разсказъ этотъ записанъ однимъ изъ моихъ учениковъ, П. Минорскимъ.

*) Мѣста при устьѣ Свири.

*) Простой бовишь.

мѣ, золотымъ рулемъ поворачиваетъ, а стрѣчу ему какъ разъ и есть суностать, въ лодкахъ писаныхъ, съ шелковой покрывкой алою.

«Не ясець соколъ налетѣлъ на лебедь бѣлую, не лебедь смутилъ воду спию: то летять, воду—рябитъ, лодки свейскія на цареву лодку крѣпкую, съ шумомъ, свистомъ порываючись; въ мелкой черепь искрошить хотять цареву лодку дубовую. Не стерилъ тутъ русскій царь, понасунился, очи ясныя поразсвѣтились и румянецъ сталъ во всю щекѹ; а и крикнетъ онъ баръ-вельможамъ своимъ: «поубавимъ чтоль спѣси у свейскаго царя? Силой ли сгубить ихъ, аль пустить съ бѣлымъ валомъ пучинистымъ»? Промолвили тутъ бѣяра: «а и что, царь, братъ грѣха на—душу, хотъ и не крещеную, да человѣческую; а пусть они умрутъ отъ вѣтра—сивера да валовъ разсычатыхъ». Лишь промолвили бояра, какъ тутотка взялъ царь—отвязалъ отъ ремня золотой рожокъ, протрубилъ на всѣ стороны громкимъ голосомъ.... Разносился голосъ по морямъ далекимъ, по водамъ темнымъ. Становилась вдругъ тѣмень Божія, собирався вѣтры въ тучу густую, расходились воды яряя—валъ вала подталкиваетъ, гребни-вѣтры имъ подтягиваютъ. Палетѣлъ вѣтеръ, посрываетъ покровы алые, побросалъ платье по—морю, а тутъ нагнала ихъ вода ярая—валъ живой горой идетъ-тянется, бѣлымъ гребнемъ отливается. Подошелъ тутъ первый валъ, принодилъ стойми лодки свейскія, а второй валъ понакрѣнилъ ихъ, а и третій—ужъ какъ тутъ и былъ—захлеснулъ на вѣкъ начальниковъ. Разступилась вода на—двое, ушли камнемъ въ топь глубокую—души грѣшныя, не крещеныя.

«Съ той поры давней на Ладожскомъ по кажинный годъ на томъ мѣстѣ тонетъ человѣкъ—душа крещеная: собирають то силу утопшіе на войну съ Петромъ царемъ».

УІІІ.

Разсказъ о войнахъ Петра Великаго со шведами *).

Разсказъ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ знакомитъ насъ съ народнымъ возрѣніемъ на отношенія Петра Ве-

*) Этотъ и послѣдующій разсказы записаны нами отъ Пв. Ан. Касьянова, а онъ слышалъ ихъ отъ крестьянина Сперова, которому разсказывалъ о томъ хѣдь его едва ли не современникъ Петра I.

лпкаго къ патріарху и па значеніе церковнаго благословенія въ военномъ дѣлѣ. Петръ, несмотря на свое удачество, оказывается побѣдителемъ только послѣ того, какъ служитъ молебень и получаетъ на то благословеніе патріарха. Мѣтвія черты сохранились въ пародномъ преданіи и относительно Шведскаго короля Карла, съ которымъ воевалъ Петръ Великій.

«Однажды Петръ I поѣхалъ воевать со шведомъ и патріарху велѣлъ служить на-скорѣ, а тотъ развелъ обѣдню на-долго. Горячень былъ Петръ I; не могъ вытерѣть, что растянулъ патріархъ службу долгую, не выждалъ конца и уѣхалъ въ походъ подъ шведа. И тотъ походъ его былъ ему несчастливой; подъ Нарвой попался онъ въ *обтокъ* и самъ едва спасся. Приѣхалъ онъ домой съ горячіюстію и хотѣлъ патріарху изъ своихъ царскихъ рукъ голову срубить. Патріархъ, въ усмиреніе его, встрѣтилъ его во всемъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ. Петръ I къ кресту приложился, закручинился и говоритъ патріарху: «Ахъ, старецъ, говоритъ, сгубилъ ты меня». Тогда старецъ ему въ отвѣтъ: «Царю! пошто ты не дождался окончанія литургии и молебна; я бы, говоритъ, далъ тебѣ миръ и благословеніе, и былъ бы походъ твой счастливой и благополучной». И говоритъ Петръ I: «Да какъ же намъ теперь будетъ Россію спасать?... Нѣтъ у насъ орудій, ни мѣди нѣту, ни пушекъ». Тутъ патріархъ на это слово: «Не печалься, говоритъ, царю; это еще не бѣда, што пушки у насъ отняты: съ каждой колокольни, говоритъ, можно снять по колоколу и отлить орудія. За тымъ отслужимъ молебень и я дамъ тебѣ миръ и благословеніе, и Господь пособитъ тебѣ покорить Шведовъ». Такъ и было сдѣлано. Какъ патріархъ отпустилъ его съ благословеніемъ, тогда онъ побѣдилъ шведа и разбилъ Карлу; Карло не зналъ куды дѣться и убѣжалъ въ Англію. И пишетъ туда Петръ I: «выслать оттуды Карлу!» Какъ стали его оттуда посылать, выпустить къ ѣздѣ, онъ трехъ человекъ своимъ руками убилъ. Дѣло дошло до Петра I. Услыхалъ онъ это, усмѣхнулся и руками *сплеснулъ* о стегна: «ахъ, Карло Карло, говоритъ,—гдѣ ни ходитъ, а вездѣ воюетъ». Карло былъ широкой, росту средняго, плечистой, настоящей былъ воинъ, да на воина попалъ; Петръ I ему не уступалъ.

IX.

Разсказъ о томъ, какъ Ладожскій каналъ копали.

Настоящій разсказъ поазываетъ, что Петръ Великій, преслѣдуя будущее благо государства, не щадилъ наличныхъ силъ и даже самой правдивности народа; настоящаго—для него не было, онъ жилъ только будущимъ.

«Покуда Ладожскую канаву копали, пашпортовъ ни съ кого не спрашивали: всякое званіе приходи и копай. Многіе разжились и розбогатѣли. Приѣзжаетъ однажды Петръ I на канаву и видитъ: народъ копаетъ въ большомъ уборѣ, въ нарядѣ и красѣ-басѣ. «Ай-да, говоритъ, молодцы; знаютъ денежекъ нажить». А тутъ капиталовъ стало мало хватать на канаву, и взять негдѣ. Тогда Петръ I умысли на каждой верстѣ сдѣлать кабакъ. Черезъ нѣсколько времени опять приѣзжаетъ онъ на канаву и видитъ тѣхъ же самыхъ кональщиковъ въ самыхъ худыхъ одеждахъ; другіе даже въ куляхъ рогожанныхъ ходятъ и работаютъ. Разсмѣялся Петръ I, сплеснулъ руками и говоритъ: «ай-да молодцы! знаютъ денежекъ нажить, да умѣютъ и прожить». И объ этомъ поется нѣсца до настоящаго времени:

Мы канавушку копали,
 Все ю проклинали;
 На канавушку на коняхъ,
 А съ канавушки-то пѣша.

Ш. Варсовъ.
